

ГЛАВА I

Взгляни, грядет угрюмая зима
В сопровождении могучей свиты
Метелей, туч и льда.

Томсон. Времена года¹

В самом сердце штата Нью-Йорк лежит обширный край, где высокие холмы чередуются с широкими оврагами или, как чаще пишут в географических книгах, где горы чередуются с долинами. Там, среди этих холмов, берет свое начало река Делавар; а в долинах журчат сотни кристальных ключей, из прозрачных озер бегут быстрые ручьи — это истоки Саскуиханны, одной из самых гордых рек во всех Соединенных Штатах.

И склоны, и вершины гор покрыты плодородной почвой, хотя нередко там можно увидеть и зубчатые скалы, придающие этому краю чрезвычайно романтический и живописный вид. Долины нешироки, и по каждой струится речка, орошающая тучные, хорошо возделанные нивы. По берегам рек и озер расположены красивые зажиточные деревушки — они возникают там, где удобно заниматься каким-либо ремеслом, а в долинах, на склонах холмов и даже на их вершинах разбросано множество ферм, хозяева которых, судя по всему, преуспевают и благоденствуют. Повсюду виднеются дороги: они тянутся по открытым долинам и петляют по запутанному лабиринту обрывов и седловин. Взгляд путника, впервые попавшего в эти места, через каждые несколько миль замечает «академию» или какое-либо другое учебное заве-

---

¹ Перевод эпиграфов, кроме особо оговоренных случаев, И. Гуровой.

дение; а всевозможные церкви и молельни свидетельствуют об истинном благочестии здешних жителей и о строго соблюдаемой здесь свободе совести. Короче говоря, все вокруг показывает, чего можно достичь даже в диком краю с суровым климатом, если законы там разумны, а каждый человек заботится о пользе всей общины, ибо сознает себя ее частью. И каждый дом здесь — уже не временная лачуга пионера, а прочное жилище фермера, знающего, что его прах будет покоиться в земле, которую рыхлил его плуг; или жилище его сына, который здесь родился и даже не помышляет о том, чтобы расстаться с местом, где находится могила его отца. А ведь всего сорок лет назад тут шумели девственные леса.

После того как мирный договор 1783 года утвердил независимость Соединенных Штатов, их граждане принялись усиленно овладевать естественными богатствами своей обширной страны. До начала Войны за независимость¹ в Нью-Йоркской колонии была заселена лишь десятая часть территории — узкая полоса вдоль устья Гудзона и Мохока длиной примерно в пятьдесят миль, острова Нассау и Статен и несколько особенно удобных мест по берегам рек, — и жило там всего двести тысяч человек. Но за вышеупомянутый короткий срок число это возросло до полутора миллионов человек, которые расселились по всему штату и живут в достатке, зная, что пройдут века, прежде чем наступит черный день, когда принадлежащая им земля уже не сможет больше прокормить их.

Наше повествование начинается в 1793 году, лет через семь после основания одного из тех первых поселений, которые способствовали затем столь чудесному преобразению штата Нью-Йорк.

Холодный декабрьский день уже клонился к вечеру, и косые лучи заходящего солнца озаряли сани, медленно поднимавшиеся по склону одной из описанных нами гор. День для этого времени года выдался удивительно

---

¹ *Война за независимость (1775–1783)* — война американских колоний Англии против британского владычества.

ясный, и в чистой синеве неба плыли лишь два-три облака, казавшиеся еще белее благодаря свету, отражаемому снежным покровом земли. Дорога вилась по краю обрыва; с одной стороны она была укреплена бревенчатым накатом, а с другой склон горы был срезан, так что экипажи того времени могли передвигаться по ней довольно свободно. Но и дорога, и накат были погребены теперь под толстым слоем снега. Сани двигались по узкой колее в два фута глубиной. В лежавшей глубоко внизу долине и по склонам холмов лес был вырублен новыми поселенцами, но там, где дорога, достигнув вершины, шла по ровному плато, еще сохранился столетний бор. В воздухе кружили мириады сверкающих блессток, а бока запряженных в сани благородных гнедых коней были покрыты мохнатым инеем. Из их ноздрей вырывались клубы пара, и одежда путешественников, так же как весь окружающий пейзаж, говорила о том, что зима давно уже вступила в свои права. Тусклая черная сбруя не блестела лаком, как нынешние, и была украшена огромными медными бляхами и пряжками, которые вспыхивали, словно золотые, когда на них падали солнечные лучи, сумевшие пробиться сквозь густые ветви деревьев. К большим, обитым гвоздями седлам на спинах лошадей было прикреплено сукно, заменявшее попону, и эти же седла служили основанием для четырех квадратных башенок, через которые были пропущены крепкие вожжи. Их сжимал в руке кучер, негр лет двадцати. Его лицо, обычно черное и глянцевитое, сейчас посерело от холода, и в больших ясных глазах стояли слезы — дань уважения, которую местные морозы неизменно взимают со всех его африканских сородичей. Тем не менее его добродушная физиономия то и дело расплывалась в улыбке: он предвкушал, как придет домой, как будет греться у рождественского камелька и вместе с другими слугами весело праздновать Рождество.

Сани представляли собой один из тех вместительных старомодных экипажей, в которых могло с удобством расположиться целое семейство, но сейчас, кроме возницы,

в них сидело только двое пассажиров. Снаружи сани были выкрашены скромной зеленой краской, а внутри — огненно-красной, чтобы в холодную погоду создавать иллюзию тепла. Сиденье и пол были устланы большими бизоньими шкурами, отделанными по краям красными суконными фестонами. Эти же шкуры служили полостью, которой укрывали ноги седоки — мужчина средних лет и совсем еще юная девушка. Первый, по-видимому, отличался крупным сложением, однако судить о его наружности было трудно — так тщательно он укутался. Тяжелая шуба с пышной меховой оторочкой совсем скрывала его фигуру, а на голове красовалась кунья шапка на сафьяновой подкладке; наушники ее были опущены и завязаны под подбородком черной лентой. Верх шапки был украшен хвостом того же самого животного, чей мех пошел на ее изготовление, и хвост этот не без изящества ниспадал на спину ее обладателя.

Под шапкой можно было разглядеть верхнюю часть красивого мужественного лица; особенно его украшали выразительные синие глаза, говорившие о большом уме, лукавом юморе и доброте.

Его спутница совсем утонула в своих многочисленных одеждах: из-под широкого камлотового плаща на толстой фланелевой подкладке, который, судя по покрою и размерам, был шит на мужчину, выглядывали меха и шелка. Большой капор из черного шелка, подбитый мехом, закрывал не только ее голову, но и лицо — лишь в узкой щелочке, оставленной для дыхания, порой блестели веселые черные глаза.

И отец, и дочь (ибо именно в этой степени родства состояли наши путешественники) были погружены в свои мысли, и тишина нарушалась лишь еле слышным скрипом полозьев, легко скользивших по укатанному снегу. Первый вспоминал, как четыре года назад его жена прижимала к груди их единственную дочь, когда прощалась с ней, неохотно согласившись отпустить ее продолжать образование в одном из нью-йоркских пансионатов (в те времена только этот город располагал подобными учебными заведениями). Несколько месяцев спустя смерть

разлучила его с верной спутницей жизни, и он остался совсем один. Однако глубокая любовь к дочери не позволила ему увезти ее в эту глушь, пока не кончился срок, который он сам назначил для ее совершенствования в науках. Мысли девушки были менее грустными, и она с удовольствием смотрела на красивые виды, открывавшиеся перед ней с каждым новым поворотом дороги.

Гора, по которой они ехали, заросла гигантскими соснами, чьи стволы уходили ввысь на семьдесят—восемьдесят футов, прежде чем от них ответвлялся первый сук, а высота кроны тоже нередко достигала восьмидесяти футов. Гордые лесные великаны почти не закрывали далее, и наши путешественники могли видеть даже вершину горы на противоположной стороне долины, куда лежал их путь; лишь порой ее заслонял какой-нибудь отдаленный холмик. Темные стволы стройными колоннами поднимались над белым снегом, и лишь на головокружительной высоте взгляд наконец встречал ветви, покрытые скудной вечнозеленой хвоей, чей мрачный вид представлял меланхолическое несоответствие со всей погруженной в зимний сон природой. Внизу ветра не было, однако вершины сосен плавно раскачивались, глухо и жалобно поскрипывая, — звук этот удивительно гармонировал с окружающим пейзажем.

Сани уже несколько минут ехали по плато, и девушка с любопытством и некоторой робостью поглядывала на лес, как вдруг оттуда донесся долгий, протяжный вой, словно по длинным лесным аркадам мчалась свора гончих. Едва этот звук достиг ушей ее отца, как он крикнул кучеру:

— Стой, Агги! Гектор идет по следу, я его голос узнаю среди десятков тысяч. Кожаный Чулок решил поохотиться, благо денек сегодня выдался ясный, и его собаки подняли дичь. Вон там впереди оленья тропа, Бесс, и, если ты не побоишься выстрелов, на рождественский обед у нас будет жареное седло оленя.

Весело ухмыльнувшись, негр остановил лошадей и принялся похлопывать руками, чтобы согреть застывшие

пальцы, а его хозяин встал во весь рост, сбросил шубу и шагнул из саней на снежный наст, который легко выдержал его вес.

Через несколько секунд ему удалось извлечь из беспорядочного нагромождения баулов и картонок охотничью двустволку. Он сбросил толстые рукавицы, под которыми оказались кожаные перчатки на меху, проверил затравку и уже собрался было двинуться вперед, когда из леса донесся негромкий топот и на тропу совсем рядом с ним большими прыжками выскочил великолепный олень. Хотя появился он совершенно неожиданно и мчался с невероятной быстротой, страстного любителя охоты это не смутило. В один миг он поднял двустволку, прицелился и твердой рукой спустил курок. Олень побежал еще быстрее, — по-видимому, пуля его не задела. Не опуская ружья, охотник повернул дуло вслед за животным и выстрелил вторично. И снова, казалось, промахнулся, так как олень не замедлил бега.

Все это заняло одно мгновение, и девушка еще не успела обрадоваться спасению оленя, которому она в глубине души сочувствовала, как он стрелой пронесся мимо нее. Но тут ее слух поразил короткий сухой треск, совсем не похожий на грохот отцовского ружья; и тем не менее его могло породить только огнестрельное оружие. Олень высоко подпрыгнул над сугробом; снова раздался такой же треск, и олень, едва коснувшись земли, упал и покатился по насту. Невидимый стрелок громко крикнул, и два человека вышли из-за сосен, за которыми они, очевидно, прятались, ожидая появления оленя.

— А, Натти! Если бы я знал, что ты устроил здесь засаду, то не стал бы стрелять, — сказал хозяин саней, направляясь к убитому оленю, а сиявший от восторга кучер съехал с дороги, стараясь тоже приблизиться к этому месту. — Но, услышав лай старика Гектора, я не мог удержаться. Впрочем, я, кажется, его даже не задел.

— Да, судья, — с беззвучным смешком ответил охотник, бросая на него взгляд, полный торжества и уверенности в своем превосходстве, — вы спалили порох, толь-

ко чтобы погреть нос. Оно и правда сегодня холодно. Неужто вы думали уложить этой хлопушкой взрослого оленя, да еще когда его настигает Гектор и он мчится изо всех сил? В болоте немало фазанов, а снежные куропатки слетаются прямо к вашему крыльцу. Кормите их крошками да постреливайте в свое удовольствие; а если вам вздумается раздобыть оленины или медвежатины, берите длинноствольное ружье и хорошо просаленный пыж, не то больше пороху потратите, чем мяса добудете.

Закончив свою речь, охотник провел рукой без перчатки у себя под носом и снова беззвучно захохотал, широко открыв большой рот.

— У этого ружья хороший бой, Натти, и мы с ним подстрелили не одного оленя, — с добродушной улыбкой ответил хозяин саней. — Один ствол был заряжен крупной дробью, а другой — птичьей. Олень получил две раны — в шею и прямо в сердце. И еще неизвестно, Натти, может быть, в шею его ранил я.

— Ну, кто бы его ни убил, — ответил Натти угрюмо, — его мясо пойдет в пищу. — С этими словами он вытащил из заткнутых за пояс кожаных ножен большой нож и перерезал оленю горло. — Раз тут две раны, я бы на вашем месте спросил, не две ли пули в него попало; какой же дробовик оставляет вот такие рваные раны вроде этой на шее? И ведь вы не станете спорить, судья, что олень упал после четвертого выстрела, сделанного рукой потверже и помоложе, чем моя или ваша. Хоть я и бедняк, но без этой оленины обойдусь, да только с какой стати должен я отдавать свою законную добычу, если живу в свободной стране? Впрочем, коли уж на то пошло, и тут сила частенько берет верх над законом, как бывало в Старом Свете.

Охотник говорил угрюмо и злобно, но осторожность победила, и последние фразы он произнес настолько тихо, что слышно было лишь сердитое бормотанье.

— Не в том дело, Натти, — возразил его собеседник все так же добродушно. — Я только хочу знать, кому принадлежит честь удачного выстрела. Оленина стоит два-

три доллара, но мне будет обидно упустить случай приколоть к моей шапке почетный трофей — хвост этого красавца. Только подумай, Натти, как я посрамил бы Дика Джонса: он только и делает, что насмехается над моей охотничьей сноровкой, а сам за весь сезон подстрелил всего-навсего сурка да пару белок!

— От всех этих ваших вырубков да построек дичь переводится, судья, — сказал старый охотник с безнадежным вздохом. — Было время, когда я с порога своей хижины подстрелил за один раз тринадцать оленей, не говоря уж о ланях! А когда тебе требовался медвежий окорок, надо было только посторожить лунной ночью, и уж наверняка уложишь зверя через щель в стене. И не приходилось опасаться, что заснешь в засаде: волки своим воем глаза сомкнуть не давали... А вот и Гектор, — добавил он, ласково погладив большую белую в желтых и черных пятнах гончую, которая выбежала из леса в сопровождении другой собаки. — Вон у него на шее рубец — это его волки порвали в ту ночь, когда я отгонял их от оленины, коптившейся на печной трубе. Такой друг понадежней иного человека: он не бросит товарища в беде и не укусит руку, которая его кормит.

Своеобразная внешность и манеры охотника заинтересовали молодую девушку. С той минуты как он вышел из-за сосны, она с любопытством рассматривала его. Он был высок и до того тощ, что казался даже выше своих шести футов. Лисья шапка на его голове, покрытой прямыми рыжеватыми волосами, уже сильно поредевшими, была похожа на описанную нами шапку судьи, но сильно уступала ей по покрою и отделке. Лицо у него было худое, словно после длительного голодания, однако в нем нельзя было заметить никаких признаков болезни, наоборот — оно свидетельствовало о несокрушимо крепком здоровье. Ветры и морозы придали коже охотника медно-красный оттенок. Над его серыми глазами нависали кустистые брови, почти совсем седые; морщинистая шея по цвету несколько не отличалась от лица и была совсем открыта, хотя под курткой виднелся ворот рубахи из клетчатой домотканой материи. Куртка эта, сшитая из

выдубленных оленьих шкур волосом наружу, была туго перепоясана пестрым шерстяным кушаком. Его ноги были обуты в мокасины из оленьей кожи, украшенные, по индейскому обычаю, иглами дикобраза; кроме того, он носил гетры из того же материала, перевязанные над коленями поверх потертых штанов из оленьей кожи, — за эти-то гетры поселенцы и прозвали его Кожаным Чулком. Через его плечо был перекинут ремень, на котором болтался большой бычий рог, столь тщательно выскобленный, что сквозь стенки просвечивал хранившийся в нем порох. С широкого конца к рогу было искусно приделано деревянное донце, а с узкого он был плотно закупорен деревянной же затычкой. Рядом с рогом висела кожаная сумка, и охотник, закончив свою речь, достал из нее мерку, аккуратно отмерил порох и принялся перезаряжать свое ружье. Когда он поставил его перед собой, уперев приклад в снег, дуло поднялось почти до самого верха его лисьей шапки.

Судья, который все это время рассматривал раны на туше, теперь, не слушая угрюмой воркотни охотника, воскликнул:

— Все-таки мне хотелось бы, Натти, твердо установить, чей это трофей. Если оленя в шею ранил я, значит он мой, потому что выстрел в сердце был излишним — превышением необходимости, как говорим мы в суде.

— Ученых-то слов вы много знаете, судья, — ответил охотник. Перекинув ружье через левую руку, он открыл медную крышечку в прикладе, достал кружок просаленной кожи, завернул в него пулю, с силой вогнал этот шарик в дуло поверх пороха и, не переставая говорить, продолжал заталкивать заряд все глубже. — Да только куда легче сыпать учеными словами, чем свалить оленя на бегу. А убила его рука помоложе, чем моя или ваша, как я уже сказал.

— А ты как думаешь, любезный? — ласково произнес судья, обращаясь к товарищу Кожаного Чулка. — Не разыграть ли нам наш трофей в орлянку? И, если ты проиграешь, доллар, который я подброшу, будет твоим. Что скажешь, приятель?

— Скажу, что убил оленя я, — с некоторым высокомерием ответил молодой человек, опираясь на ружье, такое же, как у Натти.

— Значит, двое против одного, — сказал судья, улыбнувшись. — Я остался в меньшинстве, а другими словами, мои доводы отведены, как говорим мы, судьи. Агги, поскольку он невольник, права голоса не имеет, а Бесс несовершеннолетняя. Делать нечего, я отступаюсь. Но продайте мне оленину, а я уж сумею порассказать о том, как был убит этот олень.

— Мясо не мое, и продавать его я не могу, — ответил Кожаный Чулок, словно заражаясь высокомерием своего товарища. — Я-то знаю много случаев, когда олень, раненный в шею, бежал еще несколько дней, и я не из тех, кто станет отнимать у человека его законную добычу.

— Наверное, ты от мороза так упорно отстаиваешь сегодня свои права, Натти, — с невозмутимым добродушием ответил судья. — А что ты скажешь, приятель, если я предложу тебе за оленя три доллара?

— Сначала давайте к нашему взаимному удовлетворению решим, кому он принадлежит по праву, — почти-тельно, но твердо сказал молодой человек, чья речь и поведение никак не соответствовали его скромной одежде. — Сколько дробин было в вашем ружье?

— Пять, сэр, — ответил судья, на которого манеры незнакомца произвели некоторое впечатление. — И помоему, этого достаточно, чтобы убить такого оленя.

— Хватило бы и одной, но... — Тут товарищ Кожаного Чулка подошел к дереву, за которым прятался, ожидая оленя. — Вы стреляли в этом направлении, сэр, не правда ли? Четыре дробины засели вот здесь, в стволе.

Судья внимательно осмотрел свежие повреждения коры и, покачав головой, сказал со смехом:

— Ваши доводы обращаются против вас самого, мой юный адвокат. Где же пятая?

— Здесь, — ответил молодой человек, распахивая свою грубую кожаную куртку. В рубаше его виднелась дыра, через которую крупными каплями сочилась кровь.

— Боже мой! — в ужасе воскликнул судья. — Я тут спорю из-за какого-то пустого трофея, а человек, раненный моей рукой, молчит, ничем не выдавая своих страданий! Скорей! Скорей садитесь в мои сани — до поселка только одна миля, а там есть врач, который сможет сделать перевязку. Я заплачу за все, и, пока ваша рана не заживет, вы будете жить у меня, да и потом сколько захотите.

— Благодарю вас за добрые намерения, но я вынужден отклонить ваше предложение. У меня есть близкий друг, который очень встревожится, если узнает, что я ранен. Это всего лишь царапина, и ни одна кость не задета. Насколько я понимаю, сэр, теперь вы согласны признать мое право на оленину?

— Согласен ли? — повторил за ним взволнованный судья. — Я тут же даю вам право стрелять в моих лесах оленей, медведей и любого другого зверя. До сих пор этой привилегией пользовался только Кожаный Чулок, и скоро настанет время, когда она будет считаться весьма ценной. А оленя я у вас покупаю; вот возьмите, эта банкнота оплатит и ваш и мой выстрелы.

Старый охотник гордо выпрямился во весь свой высокий рост, но ждал, чтобы судья кончил речь.

— Живы еще люди, — сказал он затем, — которые могут подтвердить, что право Натаниэля Бампо стрелять дичь в этих местах куда старше права Мармадьюка Темпла запрещать ему это. А если и есть такой закон (хотя кто когда слышал о законе, запрещающем человеку стрелять оленей где ему заблагорассудится?), то он должен был бы запретить охоту с дробовиком. Когда спускаешь курок этой подлой штуки, сам не знаешь, куда полетит твой свинец.

Не обращая внимания на монолог Натти, юноша поблагодарил судью легким поклоном, но ответил:

— Прошу меня извинить, но оленина нужна мне самому.

— Но на эти деньги вы сможете купить сколько угодно оленей, — возразил судья. — Возьмите их, прошу вас. — И, понизив голос, он добавил: — Здесь сто долларов.

Юноша, казалось, заколебался, но тут же краска стыда разлилась по его и без того красным от холода щекам,

как будто он досадовал на свою слабость, и он снова ответил отказом на предложение судьи.

Девушка, которая во время их разговора вышла из саней и, несмотря на мороз, откинула капюшон, скрывавший ее лицо, теперь сказала с большой живостью:

— Прошу вас... прошу вас, сэр, не огорчайте моего отца отказом! Подумайте, как тяжело будет ему думать, что он оставил в столь пустынном месте человека, раненного его рукой! Прошу вас, поедemте с нами, чтобы вас мог перевязать врач.

То ли рана причиняла теперь молодому охотнику больше страданий, то ли в голосе и глазах дочери, стремившейся сохранить душевный мир своего отца, было что-то неотразимое, — мы не знаем; однако после слов девушки суровость его заметно смягчилась, и легко было заметить, что ему одинаково трудно и исполнить эту просьбу, и отказать в ней. Судья (именно такой пост занимал владелец саней, и так мы будем впредь называть его) с интересом наблюдал за этой внутренней борьбой, а затем ласково взял юношу за руку и, слегка потянув его в сторону саней, тоже принялся уговаривать.

— Ближе Темплтона вам помощи не найти, — сказал он. — А до хижины Натти отсюда добрых три мили. Ну, не упрямитесь, мой милый друг, пусть наш новый врач перевяжет вам рану. Натти передаст вашему другу, где вы, а утром вы, если захотите, сможете вернуться домой.

Молодой человек высвободил руку из ласково сжимавших ее пальцев судьи, но продолжал стоять, не отводя взгляда от прекрасного лица девушки, которая, несмотря на мороз, не спешила вновь надеть капюшон. Ее большие черные глаза красноречиво молили о том же, о чем просил судья. А Кожаный Чулок некоторое время размышлял, опираясь на свое ружье; потом, по-видимому хорошенько все обдумав, он сказал:

— Ты и впрямь поезжай, парень. Ведь если дробина застряла под кожей, мне ее не выковырять. Стар уж я стал, чтобы, как когда-то, резать живую плоть. Вот тридцать лет назад, еще в ту войну, когда я служил под ко-

мандой сэра Уильяма, мне пришлось пройти семьдесят миль по самым глухим дебрям с ружейной пулей в ноге, а потом я ее сам вытащил моим охотничьим ножом. Старый индеец Джон хорошо помнит это времечко. Встретился я с ним, когда он с отрядом делаваров выслеживал ирокеза, — тот побывал на Мохоке и снял там пять скальпов. Но я так попотчевал этого краснокожего, что он до могилы донес мою метку! Я прицелился ему пониже спины — прошу прощения у барышни, — когда он вылезал из засады, и пробил его шкуру тремя дробинами, совсем рядышком, одной долларовой монетой можно было бы закрыть все три раны. — Тут Натти вытянул длинную шею, расправил плечи, широко раскрыл рот, показав единственный желтый зуб, и захохотал: его глаза, лицо, все его тело смеялось, однако смех этот оставался совсем беззвучным, и слышно было только какое-то шипенье, когда старый охотник втягивал воздух. — Я перед этим потерял формочку для пуль, когда переправлялся через проток озера Онайда, вот и пришлось довольствоваться дробью; но у моего ружья был верный бой, не то что у вашей двуногой штуковины, судья, — с ней-то в компании, как видно, лучше не охотиться.

Натти мог бы и не извиняться перед молодой девушкой — она помогала судье перекладывать вещи в саних и не слышала ни слова из его речи. Горячие просьбы отца и дочери возымели свое действие, и юноша наконец позволил себя уговорить отправиться с ними, хотя все с той же необъяснимой неохотой. Чернокожий кучер с помощью своего хозяина взвалил оленя поверх багажа, затем все уселись, и судья пригласил старого охотника тоже поехать с ними.

— Нет, нет, — ответил Кожаный Чулок, покачивая головой. — Сегодня сочельник, и мне надо кое-что сделать дома. Поезжайте с парнем, и пусть ваш доктор поглядит его плечо. Если только он вытянет дробицу, у меня найдутся травы, которые залечат рану куда скорее всех его заморских снадобий. — Он повернулся, собираясь уйти, но вдруг, что-то вспомнив, опять приблизился

к саням и прибавил: — Если вы встретите возле озера индейца Джона, захватите-ка его с собой в помощь доктору — он хоть и стар, а всякие раны и переломы еще лечит на славу. Он, наверное, явится с метлой почистить по случаю Рождества ваш камин.

— Постой! — крикнул юноша, схватив за плечо кучера, готовившегося погнать лошадей. — Натти, ничего не говори о том, что я ранен и куда я поехал. Не проговоришь, Натти, если любишь меня.

— Можешь положиться на Кожаного Чулка, — выразительно сказал старый охотник. — Он недаром прожил пятьдесят лет в лесах и научился от индейцев держать язык за зубами. Можешь на меня положиться и не забудь про индейца Джона.

— И еще одно, Натти, — продолжал юноша, не отпуская плеча кучера. — Как только вынут дробину, я вернусь и принесу четверть оленя к нашему рождественскому обеду...

Он умолк на полуслове, заметив, что охотник многозначительно поднес палец к губам. Затем Кожаный Чулок осторожно двинулся по краю дороги, не отрывая взгляда от верхушки сосны. Выбрав удобное место, он остановился, взвел курок, далеко отставил правую ногу, вытянул во всю длину левую руку и начал медленно поднимать ружье, целясь в ствол дерева. Сидевшие в санях, естественно, обратили взгляд в ту же сторону и вскоре заметили добычу, соблазнившую Натти. На сухом сучке, горизонтально торчавшем в семидесяти футах над землей, там, где начиналась крона, сидела птица, которую местные жители именовали то фазаном, то куропаткой. Она была чуть меньше обыкновенной домашней курицы. Лай собак и голоса людей испугали ее, и она прижалась к стволу, отчаянно вытянув шею и задрала голову. Как только дуло оказалось точно направленным на цель, Натти спустил курок, и куропатка камнем упала со своего высокого наеста, так что совсем зарылась в снег.

— Лежать, зверюга! — прикрикнул Кожаный Чулок, грозя шомполом Гектору, который бросился было к подножию дерева. — Лежать, кому говорят!

Собака повиновалась, и Натти начал быстро и аккуратно перезаряжать ружье. Затем он поднял убитую птицу и показал ее остальным: головка была начисто срезана пулей.

— Вот и лакомое блюдо старику на рождественский обед, — сказал охотник. — Теперь я обойдусь без оленины, парень, а ты лучше поищи-ка индейца Джона — его травки посильней всякого заморского снадобья. Как повашему, судья, — добавил он, снова показав на свою добычу, — можно ли дробовиком снять птицу с дерева, не взьерошив на ней ни перышка?

Кожаный Чулок опять засмеялся своим странным беззвучным смехом, выразившим веселое торжество и насмешку, покачал головой, повернулся и углубился в лес походкой, которая больше всего напоминала неторопливую рысцу. При каждом шаге его ноги чуть сгибались в коленях, а все тело наклонялось вперед. Когда сани достигли поворота и юноша оглянулся, ища взглядом своего товарища, старик уже почти скрылся за деревьями; собаки трусили за ним, изредка нюхая олений след так равнодушно, словно они инстинктивно понимали, что он им уже ни к чему. Сани повернули, и Кожаный Чулок исчез из виду.

ГЛАВА II

Кто мудр, тот для себя отыщет пристань
Везде, где взор небес над ним сияет...
Считай, что не король тебя отринул,
А ты его.

Шекспир. Ричард II¹

Примерно за сто двадцать лет до начала нашего повествования прапрадед Мармадюка Темпла приехал в Пенсильванию² вместе со славным основателем этой колонии, другом и единоверцем которого он был. Этот Мар-

¹ Перевод М. Донского.

² *Пенсильвания* — один из американских штатов, названный так по имени Уильяма Пенна (1644—1718), который был вынужден уехать из Англии, так как принадлежал к религиозной секте квакеров.

мадьюк — в роду Темплов внушительное имя Мармадьюк носили чуть ли не все мужчины — привез с собой в край, где искали приюта гонимые и обездоленные, все свое большое богатство, нажитое в Старом Свете. Он стал хозяином многих тысяч безлюдных акров и благодетелем несметного количества нахлебников и приживалов. Все почитали его за благочестие, он занимал в колонии немало важных постов и умер накануне разорения, о котором так и не узнал. Такова была судьба многих из тех, кто привозил сюда большое состояние.

Общественный вес переселенца обычно зависел от числа его белых слуг и прихлебателей, а также от занимаемых им должностей. Если судить по этим признакам, предок нашего судьи был важной персоной.

Однако теперь, обращаясь к истории первых лет существования этих колоний, мы не можем не заметить одну любопытную закономерность: почти все, кто приехал сюда богатыми, постепенно беднели, а зависевшие от них бедняки, наоборот, богатели. Изнеженный богач, не приспособленный к суровым условиям жизни, которая ждала его в совсем еще молодой стране, благодаря своим личным качествам и образованию еще мог, хотя и с трудом, поддерживать положение, приличествовавшее его рангу, но, когда он умирал, его избалованным и относительно невежественным отпрыскам приходилось уступать первенство энергичным, закаленным нуждой людям из низов. И в наши дни это явление не так уж редко, но в тихих и мирных квакерских колониях Пенсильвании и Нью-Джерси именно оно определяло дальнейшую судьбу высших и низших слоев общества.

Потомки Мармадьюка не избежали удела тех, кто больше полагался на родовое богатство, чем на собственные силы, и в третьем поколении они были уже почти нищими — насколько в нашей благодатной стране могут быть нищими люди честные, умные и умеренные в своих привычках. Но теперь та же семейная гордость, которая, оправдывая самодовольное безделье, довела их до столь

плачевного положения, пробудила в них энергию и желание вернуть утраченное, сравняться с предками в общественном положении, а если удастся, то и в богатстве.

Первым начал вновь подниматься по ступеням общественной лестницы отец судьи — нашего нового знакомого. Его успеху немало способствовала удачная женитьба — благодаря приданому жены он смог дать сыну прекрасное образование, которого мальчик не получил бы в довольно скверных учебных заведениях Пенсильвании, где в свое время учились и он сам, и его отец.

В дорогой школе, куда молодой Мармадюк был теперь послан, он подружился с одним из своих сверстников. Эта дружба оказалась очень полезной для нашего судьи и положила начало его дальнейшему преуспеянию.

Эдвард Эффингем принадлежал к семье не только очень богатой, но и имевшей большие связи при английском королевском дворе. Его родные, например, что в колониях было редкостью, считали торговлю унижительным для себя занятием и покидали уединение частной жизни, только чтобы заседать в законодательных собраниях колонии или с оружием в руках выходить на ее защиту. Отец Эдварда с ранней юности посвятил себя военной карьере. Шестьдесят лет назад, во времена владычества Англии, продвигаться по службе американскому офицеру было намного труднее, чем сейчас, и ждать производства приходилось гораздо дольше. Проходили многие годы, прежде чем такой офицер получал под свое командование роту, и тогда он считал само собой разумеющимся, что мирные труженики колонии должны относиться к нему с величайшим почтением. Те наши читатели, кому приходилось бывать за Ниагарой¹, несомненно, замечали, каким уважением пользуются даже в далекой Канаде самые, казалось бы, незначительные представители королевской армии и какого они о себе высокого мнения. Не так давно ту же картину можно было наблюдать и у нас в Штатах, хотя теперь, к счастью, все это уже в прошлом.

---

¹ По реке Ниагаре проходит граница между США и Канадой.

И никто уже не носит мундира, кроме добровольцев, откликнувшихся на призыв свободного народа¹. Вот почему, когда отец Эдварда после сорока лет службы в армии вышел в отставку в чине майора, он стал одним из виднейших граждан своей родной Нью-Йоркской колонии. Правда, этому немало способствовало и его весьма значительное состояние. Он пользовался репутацией храброго и находчивого офицера, и ему, по обычаю колоний, нередко доверялось командование самостоятельными отрядами, на что он по своему чину, казалось бы, не имел права; а когда возраст заставил его подать в отставку, он отказался от пенсии или какого-либо иного вознаграждения за свою долгую службу.

Военное министерство предлагало ему различные гражданские посты, не только почетные, но и доходные, однако он со свойственной ему благородной независимостью не принял ни одного из них. Вслед за этим проявлением патриотического бескорыстия старый воин и в своей частной жизни совершил столь же великодушный поступок, может быть не слишком осторожный, но зато вполне соответствовавший его прямой, бесхитростной натуре.

Эдвард был его единственным ребенком, и, когда он женился на девушке, которую выбрал для него отец, тот передал ему все свое имущество: деньги, городской дом, поместье, доходные фермы и огромные участки девственных лесов. Себе майор не оставил ничего, твердо зная, что сын с радостью будет покоить его старость. Когда майор Эффингем отклонил щедрые предложения военного министерства, многие решили, что рассудок его к старости ослабел: и в самых отдаленных уголках английских владений всегда находятся люди, которые больше всего на свете ценят милости двора и правительства. Когда же он затем добровольно отказался от всего своего состояния, никто уже не сомневался, что почтенный майор впал в детство. Вероятно, поэтому он вскоре утратил свое

---

¹ В описываемую эпоху в США не существовало регулярной армии.

положение в обществе, и если его поступки диктовались стремлением к уединенной жизни, он мог теперь беспрепятственно ею наслаждаться.

Но как бы ни судил об этом свет, для самого майора и для Эдварда подобная передача имущества представлялась самым естественным поступком: для старика-отца богатство стало теперь только обузой и он возлагал заботу о нем на сына, потому что тот больше подходил для этого и по характеру, и по воспитанию. Младший Эффингем не был смущен ценностью дара, так как считал, что отец избавляется таким образом от докучных хлопот, полностью сохраняя за собой если не юридическое, то моральное право распоряжаться этими деньгами. Короче говоря, их взаимное доверие было так велико, что, по мнению обоих, они всего лишь переложили кошелек из одного кармана в другой.

Вступив во владение фамильным состоянием, молодой человек первым долгом отыскал друга своих школьных лет и предложил ему всю помощь, какая только была в его силах.

Его предложение пришлось весьма кстати, ибо отец Мармадьюка незадолго перед этим умер и после раздела скромного наследства молодой пенсильванец остался почти без средств к существованию. Мармадьюк трезво оценивал свои деловые качества и видел не только достоинства Эдварда, но и его немногочисленные недостатки. Его друг был по натуре очень доверчив и не отличался предприимчивостью, хотя порой неожиданно совершал необдуманные и опрометчивые поступки, в то время как он сам был очень уравновешен, проницателен и энергичен. Таким образом, их деловая связь могла послужить к обоюдной выгоде. Мармадьюк с радостью принял помощь Эдварда, и они без труда договорились об условиях. На деньги мистера Эффингема в столице Пенсильвании был основан торговый дом, единственным юридическим владельцем которого стал Темпл, хотя его друг негласно получал половину прибылей. Эдвард настаивал на том, чтобы все это сохранялось в тайне, по двум причинам: во-первых (в этом он не признался своему другу),

для гордого потомка храбрых солдат занятие коммерцией, даже через посредника, представлялось унижительным; а во-вторых, о чем он откровенно сказал Мармадюку, если бы их уговор стал известен его отцу, тот никогда бы ему этого не простил. У старика были с пенсильванскими квакерами свои счета.

Дело в том, что майор Эффингем одно время служил на западной границе Пенсильвании, которой грозило тогда нападение французов и индейцев, заключивших между собой военный союз. И вот миролюбие пенсильванских квакеров чуть не привело к тому, что и он, и его солдаты едва не лишились жизни, не говоря уже о славе. Это, с точки зрения старого солдата, было настоящим предательством: ведь он сражался, чтобы защитить колонистов. К тому же он считал, что коварные и злобные враги не оценят их христианской кротости, а главное, не сомневался, что, отказывая ему в помощи, они не добьются мира, а только погубят его отряд. После отчаянной схватки ему с горсткой солдат удалось уйти от безжалостных преследователей, но он до конца своих дней не мог простить тех, кто оставил его одного в тяжелый час, хотя только ради них он подвергался опасности. Напрасно ему доказывали, что не по воле колонистов он был послан на их границу: это было сделано для их блага, утверждал майор, и «их религиозный долг повелевал им оказать ему помощь».

Старый воин всегда недолюбливал квакеров за их христианское смирение. Умеренность и здоровый труд наделили колонистов огромной физической силой, но ветеран смотрел на их богатырские фигуры с презрением: какой от всего этого толк, казалось, говорили его глаза, если голова у них забита всяким вздором? Он любил также повторять, что тщательное соблюдение внешних форм религии указывает на скудость веры. К этому можно было бы добавить еще многое, но мы вовсе не собираемся тут разбирать, каким должен быть истинный христианин, а просто сообщаем читателю взгляды майора Эффингема.

Вот почему Эдвард, хорошо зная, как относится его отец к колонистам-пенсильванцам, не решился сообщить ему о том, что заключил с одним из них деловое соглашение и что теперь их благосостояние зависит от честности какого-то квакера.

Мы уже упоминали, что эмигрировавший в Америку прапрадед Мармадьюка был близким другом Уильяма Пенна. Однако отец нашего героя женился на женщине, не принадлежавшей к секте квакеров, и поэтому его сын не получил обычного для них религиозного воспитания. Тем не менее детство Мармадьюка прошло в обществе, где все, даже самые будничные, дела были пронизаны религиозным духом, и это не могло не наложить отпечатка на его манеры и речь. Правда, позже, вступив в брак с женщиной, которой квакерство было совершенно чуждо, он во многом избавился от этих привычек: но все же некоторые из них сохранились у него до самой смерти, а в минуты душевного волнения он обычно начинал говорить библейским языком своей юности. Но не будем забегать вперед.

Как бы то ни было, в дни, когда Мармадьюк стал компаньоном молодого Эффингема, внешностью и манерами он очень походил на квакера, и Эдвард опасался, что ему не удастся рассеять предубеждение своего отца. Поэтому их деловая связь сохранилась в глубокой тайне от всех, кого она прямо не касалась.

В течение нескольких лет Мармадьюк благодаря своему трезвому уму и практической сметке очень успешно вел дела фирмы, и они получали большие прибыли. Он, как мы уже упомянули, женился на той, кому впоследствии суждено было стать матерью Элизабет, и друзья виделись все чаще. Мистер Эффингем, весьма довольный своим компаньоном, уже подумывал о том, чтобы предать их тайну гласности, но как раз в это время начались волнения, предшествовавшие Войне за независимость.

Мистер Эффингем, в котором отец воспитал глубокую преданность королю, с самого начала распри между колонистами и Англией выступил горячим защитником

прав своего государя, а Мармадюк Темпл, человек с ясным умом, не зараженный аристократическими предрассудками, встал на сторону народа. Конечно, оба следовали взглядам, привитым им с детства: сын верного королю доблестного солдата считал волю монарха нерушимым законом, а потомок квакера, претерпевшего гонения вместе с Пенном, не мог забыть незаслуженные обиды своих предков.

Это расхождение во взглядах давно служило причиной дружеских споров между компаньонами, но теперь оно переставало быть их частным делом, так как Мармадюк со свойственной ему дальновидностью уже замечал первые признаки надвигающейся бури. Искры недовольства скоро разгорелись в пожар, и колонии, которые теперь стали называть себя Штатами, оказались ареной многолетней кровопролитной борьбы.

Незадолго до битвы при Лексингтоне¹ мистер Эффингем, к тому времени уже овдовевший, передал Мармадюку на хранение все свои ценности и, простившись с отцом, покинул страну. Но в самом начале войны он снова появился в Нью-Йорке, уже в мундире офицера королевской армии, и, получив под командование полк, выступил с ним к театру военных действий. Мармадюк же открыто встал на сторону мятежников, как их тогда называли. Разумеется, всякие сношения между друзьями прекратились — полковник Эффингем не искал их, а Мармадюк проявлял благоразумную сдержанность. Вскоре последнему пришлось покинуть столицу Пенсильвании Филадельфию, но он успел спасти от королевской армии все свое имущество, а также ценности, принадлежавшие его другу. До конца войны он продолжал служить своей стране, занимал различные гражданские посты и исполнял поручавшиеся ему обязанности с большой добросовестностью и пользой. Однако Мармадюк не упускал из виду и собственной выгоды — так, во время распродажи

---

¹ *Битва при Лексингтоне* (1775) — первое сражение в Войне за независимость.

поместий, конфискованных у сторонников короля, он приехал в Нью-Йорк и скупил большое количество земель по сравнительно низкой цене.

Когда Мармадюк стал хозяином имущества, насильно отнятого у его прежних владельцев, квакеры первое время смотрели на него довольно косо. Однако сопутствовавший ему успех, а может быть, и широкое распространение этого греха среди их единомышленников скоро обелили его в глазах щепетильных сектантов; правда, кое-кто из тех, кому повезло меньше, иной раз намекал, что честным путем так быстро нажиться невозможно, но незапятнанное прошлое мистера Темпла да и его богатство вскоре заставили забыть о подобных подозрениях.

После окончания войны и утверждения независимости Штатов мистер Темпл оставил торговлю, ставшую в те дни весьма неверным и рискованным делом, и занялся освоением обширных земельных участков, которые он приобрел. Деньги и большая практическая сметка помогли ему преуспеть в этом начинании, хотя суровый климат и дикая природа тех мест, казалось, не обещали ничего хорошего. Состояние его возросло в десять раз, и он считался теперь одним из самых богатых и влиятельных людей в штате. А наследница у него была одна — его дочь, с которой мы уже познакомили читателя, пока он везет ее из пансиона в свой дом, давно уже ожидающий хозяйку.

Когда население тех краев, где находилось его поместье, увеличилось настолько, что там можно было создать округ, мистер Темпл был избран его судьей. Это может вызвать улыбку у какого-нибудь ученого английского законника, но, во-первых, иного выхода не было, так как новые поселения не изобилуют юристами с университетскими дипломами, а во-вторых, умный и умудренный жизненным опытом человек может успешно справиться с любыми трудными обязанностями. И Мармадюк, отличавшийся, как мы уже говорили, острым и ясным умом, не только выносил справедливые решения, но и всегда мог достаточно логично их обосновать.

Как бы то ни было, в те годы все судьи нашей страны назначались именно так, и судья Темпл оказался несколько не хуже остальных своих коллег и, по общему мнению — которое он, впрочем, разделял и сам, — считался даже одним из лучших.

На этом мы закончим краткий рассказ о жизни и характере некоторых из наших героев и в дальнейшем предоставим им действовать и говорить самим.

ГЛАВА III

Все зримое тобой природа создала:
И скалы, что стремятся к небесам
Подобно башням замков вековых,
И мощные деревья, чьи стволы
Раскачивает ветер ледяной,
И блещущие искрами снега,
Чья белизна и мрамор посрамит.
Но грубый человек труды ее
Нередко за единый портит миг.

Дью

Прошло несколько минут, прежде чем Мармадюк Темпл немного оправился от пережитого волнения и смог рассмотреть своего нового спутника. Перед ним был молодой человек лет двадцати двух — двадцати трех, выше среднего роста. Ему пришлось ограничиться этими наблюдениями, так как фигуру юноши совершенно скрывала грубая куртка, туго перепоясанная шерстяным кушаком, точно таким же, как у Кожаного Чулка. Судья перевел взгляд на его лицо. Когда юноша садился в сани, черты его были омрачены странной тревогой, которую Элизабет сразу заметила, но, как ни старалась, не могла понять. Эта тревога была особенно сильна, когда юноша умолял старого охотника не проговориться, но и потом, когда он, сдавшись на их просьбы, занял место в санях, нетрудно было понять, что это доставляет ему мало удовольствия. Однако постепенно хмурые морщины на его лбу разгладились, и теперь он сидел молча, по-видимому

погруженный в глубокую задумчивость. Судья несколько минут внимательно смотрел на него, а затем улыбнулся, словно прося прощения за свою забывчивость, и сказал:

— Кажется, мой юный друг, от ужаса я совсем лишился памяти: ваше лицо мне знакомо, но, даже если бы мне предложили двадцать оленьих хвостов для украшения моей шапки, я не смог бы назвать вашего имени.

— Я приехал сюда всего три недели назад, — ответил юноша холодно, — а ваше отсутствие, если не ошибаюсь, длилось полтора месяца.

— Завтра исполнится пять недель со дня моего отъезда. И все же я вас где-то видел. Впрочем, я так испугался, что, того и гляди, увижу вас сегодня ночью в окровавленном саване у своего изголовья. Что скажешь, Бесс? *Compos mentis*¹ я сейчас или нет? Сумел бы я сейчас обратиться с речью к присяжным или, что в эту минуту гораздо важнее, сумею ли я сегодня вечером как должно встретить сочельник в большом зале Темплтона?

— Вероятно, сумеешь и то и другое, папочка, — донесся из-под пышных оборок капора веселый голосок. — Это ведь легче, чем убить оленя из дробовика.

Наступило короткое молчание, потом тот же голосок продолжал уже серьезно:

— На этот раз у нас больше, чем обычно, поводов для благодарственной молитвы.

Лошади, казалось, чувствовали, что долгий путь близится к концу; налегая на построжки, они еще быстрее повлекли сани по ровному плато и скоро достигли места, где дорога круто уходила под обрыв и, извиваясь по склону, спускалась в долину. Увидев четыре столба дыма, поднимавшиеся из труб его дома, судья очнулся от своих мыслей. Указывая на внезапно открывшиеся перед ними дом, поселок и долину, он весело воскликнул, обращаясь к дочери:

— Смотри, Бесс, вот мирный приют, где ты можешь прожить всю свою жизнь. И вы тоже, мой друг, если пожелаете остаться с нами.

---

¹ В здравом рассудке (*лат.*).

При этих словах молодые люди невольно посмотрели друг на друга, но взгляд Элизабет был холоден, хотя ее щеки вспыхнули румянцем, а странная улыбка, снова мелькнувшая на губах незнакомца, казалось, говорила, что вряд ли он согласится стать членом этой семьи. Однако вид долины мог растрогать сердце и куда более суровое, чем сердце Мармадьюка Темпла.

Склон горы, по которому спускались сани, был настолько крут, что приходилось соблюдать величайшую осторожность, да и дорога в те дни была всего лишь узкой тропой, пролежавшей в опасной близости к обрыву. Поэтому кучер сдерживал нетерпеливых коней, и у Элизабет было достаточно времени, чтобы рассмотреть пейзаж, столь быстро менявшийся под воздействием человека, что теперь он лишь общими чертами напоминал ту восхитительную картину, которой она так часто любовалась в детстве. Прямо под ними простиралась сверкающая снежной белизной равнина, окруженная со всех сторон горами. Склоны их были круты и обрывисты, и почти все они густо поросли лесом. Только два-три пологих отрога нарушали однообразие гряды, окаймлявшей огромную снежную равнину, на которой не было ни единого дома, дерева или забора, так что она казалась белым облаком, опустившимся на землю. Лишь несколько темных пятен перемещалось по ее ровной поверхности, и Элизабет без труда догадалась, что это сани, направляющиеся к поселку или, наоборот, выезжающие из него.

Горы в западном конце равнины, хотя и высокие, были не такими обрывистыми и образовали множество долин и овражков, а также пологих уступов, вполне пригодных для земледелия. Большинство гор по эту сторону равнины поросло хвойными деревьями, но менее резкие очертания противоположного склона давали отдых глазу: там на более плодородной почве произрастали буковые и кленовые леса. Видневшиеся среди них белые поляны, над которыми нередко вились струйки дыма, показывали, что там уже поселились трудолюбивые фермеры. Кое-где эти поляны сливались в обширные вырубki — плод объ-

единенного труда, но по большей части они были невелики и разобщены; впрочем, изменения происходили так быстро, а люди, их производившие, трудились с таким усердием и настойчивостью, что Элизабет, казалось, видела, как эти вырубki расширяются прямо у нее на глазах, и она в немом изумлении замечала, насколько иным стал облик всего края за несколько коротких лет.

Отроги в западной оконечности этой необыкновенной равнины, лишенные всякой растительности, и по размерам, и по количеству превосходили отроги восточной ее оконечности. Один из них, особенно далеко выдававшийся вперед, был довольно крут, и на нем, у самого обрыва над волной красивых сугробов, высился гигантский дуб — он далеко простер свои ветви, словно стремясь хотя бы бросить тень на то место, куда не суждено было проникнуть его корням. Не стесненный, как его собратья в лесу, соседством других деревьев, он привольно раскинул могучие узловатые сучья, словно наслаждаясь своей свободой.

У южного края бесконечного белоснежного поля, почти под самыми ногами наших путешественников, виделось пятно в несколько акров величиной — лишь его подернутая рябью поверхность да клубившийся над ним пар выдавали, что под ровной белой пеленой лежит горное озеро, скованное ледяным дыханием зимы. Там, где находилась эта полынья, из озера вырывался неширокий бурный поток, чей извилистый путь через настоящую долину к югу нетрудно было проследить по соснам и зарослям куги, окаймлявшим его русло, и по висящему над ним пару — ведь его вода была намного теплее морозного воздуха. Южный берег озера был обрывист, но невысок, а за ним простиралась долина, и рассеянные по ней многочисленные жилища поселенцев свидетельствовали о плодородии здешней почвы и относительно удобном сообщении с внешним миром.

У самого берега озера расположился поселок Темптон. Он состоял примерно из пятидесяти строений самого различного вида, по большей части деревянных; архи-

текстура их не отличалась большой изысканностью, и многие здания, казалось, не были закончены, — очевидно, они возводились в большой спешке. Разнообразие их окраски поражало взгляд. Два-три дома были целиком выкрашены в белый цвет, но большинство могло похвастать только белым фасадом, а на остальные три стены их честолюбивые, но расчетливые владельцы потратили более дешевую красновато-бурую краску. Некоторые строения уже потемнели от непогоды, и через разбитые стекла в окнах вторых этажей виднелись голые балки незаконченных перекрытий, — видимо, легкомыслие или тщеславие заставило их хозяев взяться за задачу, которая оказалась им не по плечу.

Все эти здания были расположены наподобие городской улицы, и тот, кто так распорядился, очевидно, думал больше о нуждах грядущих поколений, чем об удобствах теперешних обитателей поселка. Три-четыре наиболее солидных дома щеголяли, помимо белой краски, еще и зелеными ставнями, представлявшими в это время года странный контраст с погребенными под снегом полями, лесами, горами и озером. Перед дверями этих домов были посажены молодые деревца, почти совсем лишенные веток, — они походили на высоких гренадеров, стоящих на карауле у входа в княжеский дворец. Да и то сказать, хозяева этих роскошных жилищ были знатно Темплтона — настолько же, насколько Мармадюк Темпл был его королем. В них обитали два молодых человека, искушенные в юриспруденции, два лавочника, державшие в своих руках всю торговлю поселка, и молодой эскулап¹, который, в отличие от большинства его собратьев, чаще встречал тех, кто появлялся на свет, чем провожал тех, кто его покидал.

Над всей этой пестрой архитектурной коллекцией господствовал особняк судьи Темпла. Он был окружен большим фруктовым садом, занимавшим несколько акров.

---

¹ *Эскулап* — римское имя греческого бога врачевания Асклепия; в ироническом смысле — врач, лекарь.

Часть деревьев в нем осталась еще со времен индейцев, и их обомшелые, уже клонящиеся к земле стволы являли резкий контраст двух-трехлетним деревцам, видневшимся почти за всеми изгородями поселка. Кроме того, от ворот к подъезду вела аллея из молодых ломбардских тополей, которые тогда только-только были завезены в Америку.

Дом этот строился по указаниям некоего Ричарда Джонса, о котором мы уже упоминали; он приходился судье двоюродным братом, считался мастером на все руки, был очень услужлив и занимался хозяйственными делами, не требовавшими личного вмешательства Мармадюка. Ричард любил повторять, что особняк судьи, это дитя его фантазии, состоит из начала и конца всякой ученой проповеди, а именно: из «во-первых» и из «в заключение». Он начал с того, что построил высокое бревенчатое сооружение, выходявшее фасадом прямо на проезжую дорогу. В этом сарае (его трудно назвать как-нибудь иначе) семья прожила три года — именно такой срок понадобился Ричарду для осуществления его замысла.

В его тяжелых трудах ему помогал некий странствующий ремесленник, который показал ему несколько засаженных гравюр с изображением известных английских зданий, а потом совсем покорила его учеными рассуждениями о фризах, антаблементах и, главное, о смешанном ордере. Он сделался для Ричарда непререкаемым авторитетом во всем, что касалось архитектуры. Правда, мистер Джонс тщательно скрывал это, держался с Хайремом Дулитлом покровительственно и выслушивал его пространные рассуждения о тайнах зодчества со снисходительной усмешкой. Однако то ли его собственные познания в этой области были настолько скудны, что он не мог найти веские возражения против доводов своего помощника, то ли он в душе проникался все большим восхищением перед ним, но он безоговорочно следовал всем советам Хайрема Дулитла.

И вот эта пара не только воздвигла дом для Мармадюка, но и определила архитектурный стиль всей округи.

Мистер Дулитл заявил, что смешанный ордер — это мешанина из всех других ордеров и тем самым лучший из них, так как он разрешает вводить в план любые изменения в зависимости от обстоятельств или желания заказчика. Ричард был в этом с ним согласен, а когда два соперничающих гения, в чьем распоряжении находится наиболее значительный для их мест капитал, придерживаются одного мнения, им ничего не стоит положить начало моде даже в куда более серьезных делах. И вот, как мы уже намекали, особняк судьи Темпла, который соседи называли «дворцом», послужил образчиком для всех честолюбивых строителей в окрестностях — они непременно заимствовали те или иные из его многочисленных красот.

Этот воздвигнутый «в заключение» дом был каменный, большой, квадратный и, как ни странно, удобный — четыре требования, на которых Мармадьюк настаивал с необычным для него упрямством. Но во всем остальном Ричарду и его помощнику была предоставлена полная свобода. Эти достойные зодчие обнаружили, что инструменты, которыми пользовались их рабочие, не подходят для обработки камня — они были рассчитаны на материалы не тверже местной белой сосны, дерева настолько мягкого, что охотники пользовались его обрубками вместо подушек. Если бы не это досадное затруднение, нам, вероятно, пришлось бы затратить куда больше места для описания их великолепного детища. Но стены дома не поддавались никаким усилиям, и наши зодчие были вынуждены довольствоваться крыльцом и крышей. Первое они решили выдержать в строго классическом стиле, а на примере второй — доказать высокие достоинства смешанного ордера.

Крыша, утверждал Ричард, была той частью здания, которую древние всегда старались сделать как можно незаметнее, ибо она является бельмом на глазу архитектуры и терпят ее только потому, что она полезна. Кроме того, не без остроумия добавлял он, дом надо строить с таким расчетом, чтобы, откуда на него ни смотреть, он был виден только с фасада: раз уж на него могут глазеть со всех

Литературно-художественное издание

ДЖЕЙМС ФЕНИМОР КУПЕР
ПИОНЕРЫ,
ИЛИ У ИСТОКОВ САСКУИХАННЫ

Ответственный редактор Сергей Антонов
Художественный редактор Вадим Пожидаев-мл.
Технический редактор Татьяна Раткевич
Компьютерная верстка Ирины Варламовой
Корректоры Ирина Сологуб, Валерий Камендо
Главный редактор Александр Жикаренцев

Подписано в печать 18.01.2019. Формат издания 75 × 100^{1/32}.
Печать офсетная. Тираж 4000 экз. Усл. печ. л. 21,15. Заказ №

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.):

12+

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» —
обладатель товарного знака АЗБУКА®
115093, г. Москва, ул. Павловская, д. 7, эт. 2, пом. III, ком. № 1
Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» в Санкт-Петербурге
191123, г. Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А
ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»
Тел./факс: (044) 490-99-01. E-mail: sale@machaon.kiev.ua
Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1, комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

ПО ВОПРОСАМ РАСПРОСТРАНЕНИЯ ОБРАЩАЙТЕСЬ:

В Москве: ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
Тел.: (495) 933-76-01, факс: (495) 933-76-19
E-mail: sales@atticus-group.ru; info@azbooka-m.ru

В Санкт-Петербурге: Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
Тел.: (812) 327-04-55, факс: (812) 327-01-60. E-mail: trade@azbooka.spb.ru

В Киеве: ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»
Тел./факс: (044) 490-99-01. E-mail: sale@machaon.kiev.ua

Информация о новинках и планах на сайтах: www.azbooka.ru, www.atticus-group.ru

Информация по вопросам приема рукописей и творческого сотрудничества
размещена по адресу: www.azbooka.ru/new_authors/

A-AKB-24160-01-R